

© 2017 г.

А.А. ВЕРШИНИН

АРИСТИД БРИАН. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ И ДИПЛОМАТА ФРАНЦИИ

Аристид Бриан (1862–1932) принадлежит к числу тех исторических фигур, о которых, несмотря на признание их заслуг, нечасто вспоминают. В памяти потомков остался пакт Бриана – Келлога 1928 г. – смелая, но, очевидно, изначально обреченная попытка отказаться от войны в качестве орудия национальной политики. Историки вспомнят еще и о том, что в 1926 г. Бриан получил Нобелевскую премию мира за заключение Локарнских договоров, которые должны были стабилизировать Версальскую систему международных отношений и остановить сползание Европы к новой катастрофе. Можно предположить, что если бы не активное участие А. Бриана в дипломатических баталиях межвоенного периода, вошедших в историю как прелюдия ко Второй мировой войне, то о нем сегодня знали бы не больше, чем о многих других в свое время известных, но впоследствии прочно забытых политических деятелях французской Третьей республики.

Но Бриану, кроме того, не повезло. По количеству государственных должностей, которые ему довелось занимать, он является едва ли не рекордсменом за всю историю современной Франции. Один лишь пост председателя совета министров доверялся ему 11 раз. Министерские же портфели Бриан получал 23 раза. Казалось бы, подобная политическая активность сама собой гарантировала ему посмертную известность. Однако обстоятельства сложились иначе. С момента начала Первой мировой войны Бриан входил в состав «военных» правительств, а на протяжении полутора лет с октября 1915 по март 1917 г. занимал должность премьер-министра. При его непосредственном участии принимались важнейшие политические и военные решения, без которых Франция могла не выстоять в противостоянии с Германией и ее союзниками. Однако «отцом Победы» суждено было стать Ж. Клемансо, заслуги которого бесспорны, но часто преувеличиваются.

Бриан являлся одним из наиболее ярких парламентских политиков своей эпохи. За десятилетия своей карьеры он несколько раз менял лагерь и союзников, добивался принятия ключевых законов, демонстрируя талант ловкого тактика и мастера политической интриги. Но его репутация не может сравниться с сохраняющейся по сей день популярностью Жана Жореса – человека, который ни разу не занимал даже самого скромного министерского поста. 100-летие со дня трагической гибели Жореса, совпавшее с юбилеем начала Первой мировой войны, отмечалось с размахом на общенациональном уровне с участием первых лиц государства. В то время как юбилей Бриана, 150-летие со дня рождения, пришедшийся на 2012 г., прошел практически

Вершинин Александр Александрович – кандидат исторических наук, научный преподаватель кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. (Москва, Россия).

незамеченным. Лишь немногочисленные тематические выставки и научные мероприятия напоминали о дате.

Историки, безусловно, смотрели на Бриана с другой точки зрения. Для них историческая значимость его фигуры никогда не ставилась под вопрос. Французским исследователям принадлежат несколько его подробных биографий¹. О Бриане писали те, кто занимался темами, неразрывно связанными с его личностью, — историей принятия фундаментального закона об отделении церкви от государства², проблемой становления Французской социалистической партии³, участием Франции в Первой мировой войне⁴, дипломатическими баталиями межвоенного периода⁵. Последняя проблематика с точки зрения рассмотрения личности Бриана затрагивается и англо-американскими историками⁶. Международный аспект деятельности Бриана традиционно привлекает и российских специалистов⁷. В то же время Бриан как французский политический деятель интересовал их лишь эпизодически⁸.

Этот пробел в отечественной историографии новой и новейшей истории Франции имело бы смысл восполнить. Во Франции хранятся богатые архивные собрания документов, связанных с жизнью и политической деятельностью Бриана. Ограниченность непосредственного доступа к ним в некоторой степени компенсируется многочисленными публикациями. Бриан, как большинство других государственных деятелей Третьей республики, на определенных жизненных этапах активно занимался журналистским ремеслом. Яркая личность, он оставил заметный след и в мемуарной литературе, которая также может быть изучена в контексте работы над его биографией. Наконец, материалы парламентских дебатов дают историку возможность увидеть Бриана в святой святых французской политической жизни — в амфитатре Бурбонского дворца, зале заседаний палаты депутатов.

«ОН ВОПЛОЩАЛ ТРЕТЬЮ РЕСПУБЛИКУ»

Политическая карьера Бриана, родившегося в 1862 г., пришлось на годы рассвета Третьей республики, которая до сих пор остается самым долговечным политическим строем в истории современной Франции. Время его активной деятельности на государственных постах — тридцатилетие 1902–1932 гг. — совпало с периодом ее окончательной консолидации по итогам дела Дрейфуса, наибольшего усиления в преддверии Первой мировой войны и первыми кризисными тенденциями в ее развитии, которые,

¹ *Suarez G.* Briand: sa vie, son œuvre, avec son journal et de nombreux documents inédits, t. 1–6. Paris, 1938–1952; *Oudin B.* Aristide Briand. Biographie. Paris, 1987; *Unger G.* Aristide Briand, le ferme conciliateur. Paris, 2005.

² *Mayeur J.-M.* La Séparation de l'Église et de l'État. Paris, 1998.

³ *Lefranc G.* Le Mouvement socialiste sous la IIIe République, t. 1–2. Paris, 1977.

⁴ *Duroselle J.-B.* La Grande Guerre des Français. Paris, 2008.

⁵ *Renouvin P.* Histoire des relations internationales, t. VII. Paris, 1957.

⁶ *Ellis L. E.* Frank B. Kellogg and American Foreign Relations, 1925–1929. New Brunswick, 1961; *Keeton E. D.* Briand's Locarno Policy. London, 1987; *Locarno Revisited: European Diplomacy 1920–1929.* London, 2004.

⁷ *Евдокимова Н. П.* А. Бриан и франко-германское сближение. 1925–1932 гг. — История, языки, литература, № 20, вып. 4. Л., 1973; *Белоусова З. С.* План Бриана и позиция СССР в свете новых документов — Новая и новейшая история, 1992, № 6; *ее же.* СССР и бриановская Пан-Европа (по материалам архивов МИД и ЦК ВКП(б)). — Объединение Европы и Советский Союз, 1919–1932. М., 1999; *Чубарьян А. О.* «Бриановская» Европа — метаморфозы Европы. М., 1993; *Зуева К. П.* Оценка плана «Пан-Европы» в советской и западной печати. — Объединение Европы и Советский Союз, 1919–1932. М., 1999; *Белоусова З. С.* Советский Союз против Пан-Европы Аристиды Бриана. — Россия и Франция. XVIII–XX века, вып. 3. М., 2000.

⁸ *Викторов В. П.* Политика французских радикалов и радикалов-социалистов в правительстве А. Бриана (январь 1921 — январь 1922 года). — Актуальные проблемы новейшей истории Франции. Грозный, 1980.

впрочем, со всей очевидностью проявились уже после смерти Бриана в 1932 г. Волей судьбы он не увидел ни прихода к власти нацистов в Германии, ни их поворота в сторону силовой ревизии условий Версальского мира, ни взлета ультраправых движений в самой Франции, ни кровавых столкновений у французского парламента в феврале 1934 г., когда на кону оказалась сама судьба республики. Наконец, ему не пришлось лицезреть катастрофу 1940 г., положившую конец Третьей республике.

Франция Бриана — это страна, еще не ощутившая в полной мере приближение своего заката, еще не утратившая веру в базовые республиканские идеалы, частью своей еще живущая в XIX в. — столетии великих свершений и великих потрясений. Типичным французом той эпохи все еще оставался буржуа, ценивший стабильность и веривший в святость частной собственности. Через 12 лет после смерти Бриана его современник и политический конкурент Л. Блюм, рассуждая в застенках вишистского режима о причинах исторического краха Франции в 1940 г., основную ответственность за катастрофу возложит именно на французскую буржуазию. «Мы стали свидетелями краха буржуазии, — писал он. — Ее разложение и упадок завершились ужасной драмой; она проявила себя не только неспособной к власти, но и недостойной ее; ее неспособность и несоответствие оказались не только главной причиной, но и оправданием катастрофы»⁹. Понятные после событий 1940 г., эти слова вряд ли точно характеризуют ситуацию рубежа XIX–XX вв.

Третья республика была государством «новых слоев», чей выход на политическую арену в начале 1870-х годов торжественно провозгласил Л. Гамбетта. Мелкие собственники, владельцы мастерских и лавок, провинциальные рантье, до сих пор так или иначе отчужденные от власти, получили исторический шанс. «Именно новые слои создают демократию, — констатировал Гамбетта. — Они получают право выбирать самих себя, формировать для самих себя наилучший строй, т.е. такой, который в наибольшей степени соответствует их природе, наклонностям и интересам»¹⁰. Третья республика запустила социальные лифты, которые резко сократили дистанцию между широкими слоями общества и властным Олимпом. Мелкий буржуа, выходец из семьи торговца или ремесленника, добравшийся до высот политики, стал идеальным-типическим представителем новой эпохи.

Бриан являлся типичным представителем «новых слоев». Современный биограф не случайно назвал его «воплощением Третьей республики»¹¹. На фоне коллег по парламенту, представителей парижской и провинциальной элиты, он выглядел белой вороной. Удивлял сам его внешний вид, не имевший ничего общего с лоском столичного политика.

Внешность Бриана на годы вперед сделала его любимым героем карикатуристов. Однако он выделялся не только своим видом. Его происхождение было более чем скромным. Его отец родился в семье мельника и зарабатывал на жизнь тем, что на первом этаже своего дома в Нанте содержал небольшое кафе. Мать служила белошвейкой в замке местных аристократов. Детство Бриана прошло в шумной атмосфере припортовых развлекательных заведений, посещаемых самой пестрой публикой. Впоследствии этот факт дал богатую почву для сплетен и злословий со стороны его политических оппонентов.

Блестящее образование, высокая эрудиция и начитанность отличали большинство французских политиков той эпохи. Бриан и здесь являлся некоторым исключением из правил. Его враги много писали о нем как о невежде, что, безусловно, не имело ничего общего с реальностью. Он успешно окончил колледж в Сен-Назере, в 1880 г. получил степень бакалавра в лицее Нанта, а впоследствии — диплом Парижского университета. Кроме того, Бриан обладал определенной начитанностью: он был знаком с творчеством Ж. Расина, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро. В Нанте он успел лично познако-

⁹ Blum L. *A l'échelle humaine*. Paris, 1971, p. 84.

¹⁰ Discours prononcé à Auxerre le 1er Juin 1874 par M. Gambetta. Paris, 1874, p. 43.

¹¹ Oudin B. *Op. cit.*, p. 11.

миться с Ж. Верном, а через несколько лет, уже будучи студентом факультета права Парижского университета, без труда узнал в пожилом пассажире омнибуса В. Гюго и обменялся с ним несколькими любезными фразами¹².

Бриан имел представление о классической и современной литературе, прилежно учился и много писал. Однако книжность и образованность не стали неотъемлемыми компонентами его образа как политика. Бриан никогда не принадлежал к числу интеллектуалов. Он занимался журналистикой, но так и не стал писателем. Обучаясь в Парижском университете и подрабатывая помощником адвоката, он оставался завсегдатаем богемных кафе Латинского квартала, но не считал этот опыт важным для себя. Сблизившись с социалистами, Бриан никогда не увлекался работами классиков левой теории. Живопись, опера, музыка никогда не интересовали будущего министра образования, в обязанности которого входило попечение изящных искусств.

Ж. Жорес, один из наиболее ярких интеллектуалов своего времени, называл Бриана человеком «энциклопедического невежества»¹³. Однако более точен оказался Ж. Клемансо. По обыкновению едко рассуждая о талантах своих коллег по парламенту и правительству, он отметил: «Пуанкаре все знает, но ничего не понимает. Бриан не знает ничего, но понимает все»¹⁴. Эту же мысль высказывал и Л. Д. Троцкий, внимательно наблюдавший за французской политической жизнью. «Бриан, — отмечал он, — изучение вопроса заменял чутьем»¹⁵. Умение чувствовать ситуацию, проникать в мысли людей, завоевывать их расположение в полной мере заменяли ему эрудицию и богатый интеллект. «Ни у кого до сих пор я не обнаруживал такой силы обаяния, возникшей из удачного совмещения приобретенного искусства и данных от природы талантов», — писал о Бриане Р. Пуанкаре¹⁶.

Несмотря на всю свою внешнюю «неотесанность», Бриан обладал абсолютным политическим инстинктом. Если Клемансо подходил к политике как к делу жизни, Жорес — как к миссии, то для Бриана в ней заключался значительный элемент игры и азарта. Он занимался ей, как бы, походя, предпочитая импровизацию тщательной подготовке парламентских речей, вольный стиль работы с коллегами по правительству четко организованному бюрократическому взаимодействию. «Преимущество [Бриана], — в своем характерном стиле отмечал Клемансо, — состоит в том, что он не знает, что делает»¹⁷. На его рабочем столе редко замечали документы, зато практически всегда на нем лежали листы папиросной бумаги, без которой этот заядлый курильщик не мог обойтись. Он практически ничего не записывал, однако охотно принимал посетителей.

Современники много рассуждали о лени и беспечности Бриана, однако в реальности они имели дело с особым стилем политика. Он мог легко отказаться от власти в ситуации, когда к этому не было серьезных причин. В то же время в сложных ситуациях Бриан не раз проявлял волю и выдержку. В 1916 г. он принял сложное и неоднозначное решение о смещении Ж. Жоффра с поста главнокомандующего французской армией — мера, на которую в ситуации серьезной военной опасности решился бы не каждый. В 1925 г. этот политик, которого упрекали в легкомысленности, инициировал новую внешнюю политику Франции, предполагавшую постепенную ревизию Версальских соглашений и примирение с Германией. Само осознание необходимости ее проведения в условиях изменившегося мира, требовало недюжинной воли и интеллектуальных усилий.

¹² Unger G. Op. cit., p. 27, 35.

¹³ Benoist C. Souvenirs, t. 3. Paris, 1934, p. 45.

¹⁴ Unger G. Op. cit., p. 22.

¹⁵ Троцкий Л. Д. Э. Эррио, политик золотой середины. — http://lib.ru/TROCKII/Arhiv_Trotskogo__t8.txt

¹⁶ Poincaré R. Au service de la France: neuf années de souvenirs, t. 2. Paris, 1926, p. 68.

¹⁷ Clemenceau G. Correspondance (1858–1929). Paris, 2008, p. 943.

Истоки политической карьеры Бриана типичны и своеобразны одновременно. Все началось с газеты. Журналистика была стандартным дебютом французского политика времен Третьей республики. В 1884 г. Бриан начал писать для базирующей-ся в Сен-Назере газеты «Демокраси де л'Уэст», причем сразу обозначил свою крайне левую политическую ориентацию. Два обстоятельства заставляют здесь обратить на себя внимание. Во-первых, речь шла о провинциальной газете, не имеющей влияния в столице. Бриан, вращавшийся в кругах богемы, при желании сделать карьеру журналиста и политика мог выбирать между десятком парижских изданий, но, по всей видимости, не рассматривал подобную перспективу. Во-вторых, его резкий крен влево не имел никаких очевидных предпосылок. В семье левые идеи отнюдь не культивировались: родители оставались вполне лояльны Второй империи и католической церкви. Сам молодой Аристид, по крайней мере до своего приезда в Париж в 1883 г., оставался аполитичен.

Крайние формы протеста против умеренной «республики оппортунистов», которые взяли курс на консервацию политического режима, выросшего из поражения во франко-прусской войне 1870—1871 гг. набирали обороты. В конце 1880-х годов они вылились в мощное популистское движение во главе с Ж. Буланже. Безусловно, это не могло не оказать влияния на Бриана, который, учась в Париже, оказался в центре событий. Однако его резкая политизация в духе левых идей остается необъяснимой. Ее внутренняя подготовка не прослеживается по материалам источников. В случае с другими видными деятелями левого фланга времен ранней Третьей республики приход в политику был предопределен комплексом обстоятельств. Для Клемансо исходным мотивом похода во власть стала сама история его семьи и мощное влияние отца — республиканца. Жорес искал в политике практическое воплощение своих философских построений. Блюм был подготовлен к ней активным участием в литературной и общественной жизни накануне дела Дрейфуса. Ничего похожего не прослеживается в биографии Бриана. Поэтому, вероятно, можно согласиться с мнением историка: его приход в политику стал, своего рода, выбором жизненной стратегии¹⁸. Ставка на левый фланг казалась выигрышной уже потому, что именно слева исходили наиболее мощные политические импульсы эпохи.

Приобщение к левым идеям было типичным началом политической карьеры в годы Третьей республики. Впоследствии политик мог выбрать практически любой лагерь, от социалистического до реакционного, однако в молодости ему, как правило, не удавалось избежать увлечения модными, а во Франции исторически популярными лозунгами. В случае с Брианом свою роль сыграл и субъективный фактор. В 1884 г. в стенах редакции газеты, размещавшей его статьи, он познакомился с Ф. Пелутье, человеком, которому было суждено стать одной из наиболее ярких фигур во французском анархо-синдикалистском движении. Их пути в политике шли параллельным курсом более 10 лет. Пелутье заражал Бриана своим неконформизмом, снимал для него многие табу. Молодой Бриан-журналист, вернувшийся после окончания университета в Сен-Назер, — практически революционер. В своих статьях, подписанных говорящим псевдонимом «Nihil», он не оставлял камня на камне от буржуазной республики и претендующей на общественную роль католической церкви. В 1889 г., выступив с откровенно популистской программой в духе Буланже, Бриан впервые (неудачно) баллотировался в парламент. Его перо не щадило никого. Ценой этого были регулярные судебные процессы против «Демокраси де л'Уэст», которые вел сам Бриан, а также вызовы на дуэли.

В последние десятилетия XIX в. левый дискурс, до сих пор ориентированный на политическую проблематику, уже был неотделим от социального вопроса. 1 мая 1891 г. в небольшом городке Фурми войска расстреляли рабочую манифестацию, что привело к настоящему взрыву общественного мнения. Наступала новая эпоха. Те, кто

¹⁸ *Oudin B. Op. cit., p. 37.*

это вовремя понял, через несколько лет буквально ворвались во французскую политику. Бриан относился к их числу. В январе 1892 г. у него состоялась примечательная дискуссия с П. Лафаргом. Зять К. Маркса и один из первых французских социалистов прибыл в Сен-Назер для участия в митинге, на котором активно призывал рабочих к революционному действию. Возражение Бриана прозвучало для него досадным упреком: подобное выступление должно быть достаточно созревшим и организованным для того, чтобы не захлебнуться в крови.

Подобный поворот темы вызвал у Лафарга негодование, обернувшееся обвинением оппонента в подрыве боевого духа пролетариата и потворстве буржуазии¹⁹. На самом деле Бриан едва ли не впервые продемонстрировал свойственную хорошему политику дальновидность и осмотрительность. Пока он оставался под влиянием Пелутье. Вместе они разрабатывали идею всеобщей стачки — массового действия рабочих, которая моментально покончит с эксплуатацией. В качестве ее главного автора в истории остался Пелутье, что, по меньшей мере, неточно. Бриан увлекся ей с самого начала и не оставлял ее на протяжении многих лет. Для него речь шла о единственном эффективном и относительно безболезненном способе созидания нового мира. В одном из своих выступлений на тему всеобщей стачки он отметил: «Мы больше не говорим о революции, вращающейся вокруг обманчивых формул. Народу недостаточно завоевать для себя смехотворную и бессмысленную возможность возвестить на фронтонах общественных зданий о своем праве на свободу, равенство и братство. Именно революция по существу, позволит человеку, наконец, перейти из царства слов в царство реальности»²⁰.

Налицо явный революционный романтизм, однако имеющий мало общего с левым радикализмом. Бриан оставался в левом лагере и по-прежнему придерживался левых идей, но в нем уже говорил политик. Сен-Назер казался ему тесным, и в 1893 г. он переехал в Париж. Бриан знал, зачем возвращается в столицу. Он сходу окунулся в общественную жизнь. Молодой синдикалист стал ведущим рубрики в популярной левой газете «Ля Лантерн», участвовал в протестных демонстрациях столичных рабочих и даже предпринял очередную безуспешную попытку занять депутатское кресло в нижней палате парламента. В 1893–1894 гг. по стране прокатилась волна политического террора. 9 декабря 1893 г. анархист О. Вайян взорвал бомбу в здании заседаний парламента, через полгода от рук террориста пал президент республики С. Карно. Правительство ответило принятием репрессивных законов и усилением полицейского режима. Левый фланг общественного мнения активно поддержал анархистов. Бриан также выступил на их стороне, но при этом никогда не доходил до крайностей. Роли трибуна он неизменно предпочитал амплу модератора. 1 мая 1893 г., оказавшись в центре столкновений между полицией и демонстрантами из рабочих кварталов, Бриан приложил большие усилия для того, чтобы успокоить толпу и предотвратить провокации²¹.

Проявился ли уже тогда талант будущего дипломата? Дать однозначный ответ на этот вопрос трудно, однако политическую атмосферу эпохи Бриан ощущал лучше многих других. Пелутье становился все более убежденным адептом синдикализма и доказывал, что политическая борьба ни при каких условиях не может заменить собой стачку как основной способ освобождения пролетариата. Его соратник считал иначе. В Париже он близко сошелся со столичными деятелями левой ориентации. Адвокаты, писатели, профессора, завсегдатаи салонов и редакций литературных журналов, они обладали особой властью, которой не было и не могло быть у замкнувшихся в своей среде вождей стачечного движения. Влияние на широкое общественное мнение открывало большие перспективы, и главное — возможность вхождения во власт-

¹⁹ Ibid., p. 56.

²⁰ Briand A. La grève générale et la révolution. Discours sténographie (in extenso) et revu par l'orateur. Prononcé devant le Congrès du Parti Socialiste en Décembre 1899. Paris, 1932, p. 11.

²¹ La Lanterne, 3.V.1893.

ные коридоры. О том, что этот путь открыт, говорил успех парижских друзей Бриана. Один из них, Р. Вивиани, в будущем дважды премьер-министр Франции, в 1893 г. занял депутатское кресло в зале заседаний Бурбонского дворца в то время, как на тех же выборах Бриан потерпел очередную электоральную неудачу.

Его разрыв с Пелутье был, во многом, предопределен, однако обошелся без громких заявлений. Бриан просто взял новый жизненный курс, тот, который сулил ему гораздо более привлекательное политическое будущее. На этом пути ему встретились новые люди. Помимо Вивиани он привлек к сотрудничеству в «Ла Лантерн» адвоката А. Мильерана и набиравшего большую популярность политика Ж. Жореса. Так возникло одно из блестящих политических сообществ времен Третьей республики, которое дало Франции двух будущих премьер-министров и президента. Человек, являвшийся неформальным лидером группы, до своей трагической гибели так ни разу не побывает в министерском кресле, однако именно он окажет наиболее сильное влияние на Бриана и во многом переопределит его путь в политике²².

Жорес и Бриан принадлежали к одному поколению — возрастная разница между ними составляла всего три года. Однако стороннему наблюдателю могло показаться, что на этом их сходство оканчивается. Малоизвестный журналист с неоднозначным синдикалистским прошлым, лишь недавно приехавший из провинции, оказался рядом с одним из наиболее видных французских интеллектуалов, политиком, который уже успел завоевать себе имя. Тем не менее между ними установились тесные отношения. Их политические позиции не были идентичными. В ходе дела Дрейфуса Жорес активно выступил в поддержку офицера, несправедливо осужденного за шпионаж в пользу Германии. Бриан же занимал здесь откровенно двусмысленную позицию, колеблясь вместе с французским общественным мнением²³. В то же время его, несомненно, привлекала яркая личность Жореса. Кроме того, как предполагают историки, имел место и здоровый расчет²⁴. Жорес был на тот момент, вероятно, самым многообещающим политиком левого фланга. На него стоило делать ставку.

В молодости Бриан являлся членом Рабочей партии Ж. Гада, но по-настоящему никогда к гедистам не примыкал. Их доктринерство и радикализм не могли не смущать его. В этом он сходиллся с Жоресом, сторонником более широкой трактовки социализма, основанной на полной реализации республиканских идей свободы, равенства и братства. Жорес последовательно стремился к объединению всех французских социалистических групп, которые в конце XIX в. представляли собой пестрый конгломерат. Помимо гедистов и синдикалистов различных толков и направлений к их числу принадлежали бланкисты, а также POSSИБИЛИСТЫ, выступавшие в пользу тактики «мелких шагов» в деле построения социализма. Успех проекта по их объединению приводил к возникновению одной из мощнейших политических сил, которая могла претендовать на политическую власть в стране. Бриан сразу включился в эту работу.

Вопрос решался в ходе двух объединительных конгрессов французских социалистов, состоявшихся в Париже в 1899 и 1900 гг. Бриан играл на них одну из ключевых ролей. Острой проблемой, стоявшей на повестке дня, стал так называемый казус Мильерана — вхождение А. Мильерана в состав коалиционного правительства П. Вальдека-Руссо. Гедисты и бланкисты при поддержке большей части делегатов требовали от соратников Жореса осудить его действия, которые трактовали как недопустимый акт сотрудничества с буржуазией. Ситуация в буквальном смысле висела на волоске. Бриан понял, что если не удастся расколоть гедистов и бланкистов, то Жорес окажется в меньшинстве. Яблоком раздора, разделившим лагерь его оппонентов, стала тема всеобщей стачки, против которой принципиально выступали бланкисты. Яркая

²² Подробнее см.: *Julliard J. Fernand Pelloutier et les origines du syndicalisme d'action directe. Paris, 1971.*

²³ *Unger G. Op. cit., p. 96; La Lanterne, 26.IV.1899.*

²⁴ *Suarez G. Op. cit., t. 1, p. 266–267; Gallo M. Le grand Jaurès. Paris, 1999, p. 286.*

речь Бриана качнула чашу весов в пользу жоресистов, которым удалось свести борьбу с приемлемым для себя счетом.

Объединение социалистов сопровождалось нешуточным кипением страстей. На одном из совместных заседаний в 1900 г. противник Жореса выхватил пистолет и направил его на Бриана, который при этом продолжил спокойно курить сигарету и ограничился ироническим вопросом: «Он хотя бы заряжен?». Гедисты испытывали к нему нескрываемую неприязнь, понимая, что именно этот «лейтенант Жореса»²⁵, эффектный оратор, оказавшийся к тому же мастером закулисных комбинаций, является одним из их основных оппонентов. Объединительная кампания 1899–1900 г. не привела к возникновению во Франции единой социалистической партии, однако определила траекторию движения в сторону единства. Сторонники Жореса консолидировались в Социалистическую партию Франции.

Ее секретарем стал Бриан, который на новом посту в полной мере раскрыл свои организаторские способности. Поддерживая Жореса, он немало сделал для того, чтобы сгладить серьезные разногласия между различными внутрипартийными течениями. Очевидно, уже здесь начал проявляться его талант дипломата. Бриан делал себе имя. Его начинали узнавать, а среди французских социалистов он занял видное место. Он не оставлял адвокатского ремесла, часто защищая в суде своих единомышленников. Однако заветная вершина до сих пор ему не покорилась: три попытки занять депутатское кресло окончились ничем. В 1902 г. он вновь штурмовал Бурбонский дворец, и на этот раз удачно. Сама практика опровергла предупреждения Пелутье о том, что партийная политика не имеет перспектив: Бриан шел на выборы как представитель не только социалистов, но и всех левых сил, взявших курс на закрепление успеха в ходе дела Дрейфуса и заключивших соглашение о единстве действий. Весной 1902 г. он стал депутатом. Место в нижней палате он сохранил за собой вплоть до своей смерти в 1932 г.

«ОН ЗАНИМАЛСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПОЛИТИКОЙ»

Ж. Кайо, премьер-министр и министр финансов Франции, сотрудничавший с Брианом, оставил в мемуарах его точную характеристику: «Мы с Брианом никогда бы не сработались. Он был чересчур политиком, я — чересчур администратором. Ничего удивительного! Он провел свою молодость в кругах, которые я бы определил как “политические” за неимением более точного слова... Бриан, “заточенный” в атмосфере журналистики, публичных собраний, социалистических съездов, был исключительно политиком»²⁶. Оба политика принадлежали к одному поколению, но между ними лежала социальная пропасть. Кайо происходил из рядов старых элит, был потомственным управленцем и начал свою карьеру с чисто административной работы в генеральной инспекции финансов. На политику он смотрел как на продолжение этой практики на более высоком уровне. Бриан, выходец из «новых слоев», не имел никакого управленческого опыта. Его привлекала власть сама по себе.

В политике Бриан мыслил настолько широко, насколько на это был способен человек, с одной стороны, не ограниченный предыдущей деятельностью в конкретной узкой сфере, а с другой — не являющийся последовательным приверженцем какой-либо идеалистической конструкции. «Бриан, — отмечал Троцкий, — отлично обходился без категорического императива и вообще без философских идей»²⁷. Жорес и Клемансо в политическом смысле были довольно многолики и не раз меняли свои позиции. Но при этом они колебались в рамках определенного спектра. Жорес, по замечанию того же Троцкого, всегда был готов «закрыть глаза на факты, чтобы не отказаться от

²⁵ *Verlhac J.* La formation de l'unité socialiste, 1898–1905. Paris, 1997, p. 126.

²⁶ *Caillaux J.* Mes mémoires, t. 2. Paris, 1943, p. 4.

²⁷ *Троцкий Л.Д.* Э. Эррио, политик золотой середины.

идеи-двигательницы»²⁸. Идеал при этом оставался неизменным ограничителем. Бриан-политик отнюдь не являлся циником, но у него никогда не замечали того полурелигиозного пафоса, который демонстрировал лидер социалистов. Поэтому он мог позволить себе гораздо более широкий маневр. Однако именно на таком вираже пути Бриана и Жореса разошлись.

В 1905 г. жоресисты и гедисты вплотную подошли к объединению и в апреле создали единую Французскую секцию Рабочего Интернационала (партию СФИО). Ради этого Жорес пошел на серьезные уступки, фактически приняв гедистскую концепцию создания партии классовой борьбы, основанную на принципах жесткого подчинения парламентской фракции партийному руководству и отказа от сотрудничества с политическими организациями буржуазии. Решение это принималось не без колебаний, но, в конечном счете, идеал социалистического единства перевесил все остальное. Бриану подобный вариант развития социалистического движения во Франции не мог не казаться ошибочным. Социалисты, группировавшиеся вокруг Жореса, во многом являлись наиболее динамичной частью левого фланга, активно работали в парламенте в союзе с другими республиканцами, по праву рассчитывали в будущем на политические дивиденды в виде министерских постов. Взамен на эти надежды им предлагался союз с теми, кого они считали сектантами, и, как следствие, — политическая изоляция.

По тому, как постепенно Бриан отдалялся от Жореса видно, что это движение давалось ему непросто: притягательная сила харизмы социалистического трибуна была велика. Однако, в конце концов, политический инстинкт взял свое. За годы своей первой легислатуры Бриан превратился в самостоятельного парламентского политика. Он поймал волну, которая обещала вынести его на самые вершины власти. На повестке дня со всей остротой стоял вопрос об отделении церкви от государства. Речь шла о реализации давней идеи республиканцев, их решающей победе над клерикализмом и окончательном утверждении республиканского строя. В 1904—1905 гг. парламентская комиссия, которой фактически руководил Бриан, подготовила соответствующий законопроект. Он был выдержан в компромиссном духе: декларировалась свобода культов, ни один из которых отныне не мог претендовать на особые отношения с государством, но при этом ни о каком наступлении на католицизм не шло и речи. Образ молодого журналиста-антиклерикала остался в прошлом. Бриан раз и навсегда вошел в амплуа модератора и примирителя.

После ожесточенных дебатов, в ходе которых на законопроект нападали как справа, так и слева, он был окончательно принят. Бриан добился успеха общенационального масштаба. Как справедливо отметили историки, «Бриан обеспечил принятие закона об отделении [церкви от государства], но и этот закон, в свою очередь, обеспечил ему будущую карьеру»²⁹. Кайо выразился еще более определенно: «Отделение церкви от государства дало ему замечательную возможность скинуть старую кожу и ринуться во власть»³⁰. Горизонт Бриана явно перерос те узкие рамки, которые сулила деятельность на ниве социалистического движения с преобладанием гедистов. В разгар дебатов вокруг законопроекта об отделении церкви от государства ему предложили должность в правительстве — министра образования и культов. Тогда он отказался: еще сильна была связь с Жоресом, объединительной политике которого подобный демарш его ближайшего сотрудника нанес бы удар, не меньший по силе, чем «казус Мильерана». Через год то же предложение Бриану сделал член партии радикалов Ф. Сарьян, формировавший новое правительство. На этот раз колебаний не было. Бриан принял министерский портфель. В ответ на это печатный орган СФИО газета «Юманите», становлению которой немало способствовал Бриан, устами Жореса констатировала,

²⁸ Троцкий Л. Д. Политические силуэты. — Троцкий Л. Д. Соч., т. VIII. М., 1926, с. 29.

²⁹ Mauduit A.-M., Mauduit J. La France contre la France. La séparation de l'Église et de l'État, 1902—1906. Paris, 1984, p. 284.

³⁰ Caillaux J. Op. cit., p. 16—17.

что «любой социалист, участвующий в работе этого буржуазного правительства ставит себя вне партии»³¹.

Развод с социалистами стал свершившимся фактом, равно как и личный разрыв Бриана с Жоресом. С этого момента они выступали как непримиримые противники. Жорес беспощадно нападал на Бриана в стенах парламента, не делая ему никаких скидок. Человека, с которым он некогда находился в тесных отношениях, уже не существовало: он имел дело с противником, нанесшим «обиду социалистической партии»³². Противник неизменно держал удар. От его былой привязанности не осталось и следа: когда 31 июля 1914 г. лидер социалистов пал от пули убийцы-националиста, его бывший соратник не только не явился на похороны, но даже не выразил соболезнований. На фоне той скорби, которую проявили представители практически всех политических лагерей от Клемансо и до правого националиста М. Барреса, подобное поведение говорило само за себя.

С приходом в правительство в биографии Бриана открылась новая страница. Логика властного Олимпа имела мало общего с атмосферой идеологического противостояния, которой были пропитаны заседания социалистических съездов. Бриану сразу пришлось принять ее. Условием своего вхождения в состав правительства он выдвинул предложение министерского портфеля Ж. Клемансо. Вся последующая политическая деятельность Бриана оказалась связана с именем этого человека. Они являли собой две противоположности. С одной стороны — осторожный, склонный к соглашениям, «очарователь» (как его определил Л. Д. Троцкий) Бриан, с другой — бескомпромиссный, жесткий, авторитарный Клемансо. Все несходство их натур проявлялось в разных стилях оформления публичных выступлений. «Его искусство красноречия, — писали журналисты о Клемансо, — не будучи ни вычурным, ни слишком простым, подчиняется жесткой воле, которая ничего не оставляет случаю; фразы короткие, сильные, быстро достигающие цели; нет или почти нет отклонений; в этом искусстве фехтования оратор использует прямые удары»³³. Речам Бриана была присуща «ласковая вкрадчивость»³⁴. Практически никогда не готовя заранее свои выступления, он выступал не как трибун, а, скорее, как рассказчик.

Клемансо оказался одним из наиболее активных критиков законопроекта об отделении церкви от государства. Именно поэтому его автор счел за благо иметь старого «Тигра» в числе своих соратников по правительству. В октябре 1906 г. Клемансо занял пост премьер-министра. На протяжении почти трех лет Бриан играл роль его ключевого сотрудника. Их отношения с самого начала складывались непросто. Клемансо, безусловно, высоко ценил профессиональные качества своего министра. Временами могло показаться, что речь идет о доверительных отношениях между ними. В 1908 г. Бриан получил пост министра юстиции, став, таким образом, правой рукой премьера.

Политические оппоненты упрекали их обоих в беспринципности и отступничестве от былых идеалов. Кабинет Клемансо, в прошлом позиционировавшего себя защитником прав рабочих, развернул активную борьбу против набиравшего обороты забастовочного движения. Тот факт, что министр «первого шпика Франции» в прошлом являлся одним из отцов идеи всеобщей стачки, выглядел слишком скандально для того, чтобы критики прошли мимо него. Социалисты обрушили на Бриана целый вал обвинений. О старых симпатиях никто не вспоминал. Главный удар со всей мощью своего ораторского таланта наносил Жорес. В речи, произнесенной в стенах парламента, он обильно цитировал выступления Бриана в бытность его членом социалистической партии. «Я могу лишь одним словом подвести итог вашей политике: вы либо лгали тогда, либо лжете сейчас!», — констатировал он³⁵.

³¹ L'Humanité, 12.III.1906.

³² Jaurès J. L'intégrale des articles de 1887 à 1914 publiés dans La Dépêche. Paris, 2009, p. 747.

³³ Le Temps, 5.III.1879.

³⁴ Троцкий Л. Д. Э. Эррио, политик золотой середины.

³⁵ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés, 11.V.1906.

В таких ситуациях негласная поддержка председателя правительства многое значила для его министра. Однако в политике нет места дружбе. Клемансо до конца не одобрил бриановскую редакцию закона об отделении церкви от государства. Он считал ее недостаточно жесткой. Апофеозом этих разногласий стало заседание парламента 29 января 1907 г., когда Бриана подвергли острой критике слева за чрезмерные, как казалось, уступки церкви и правым. Вопреки обычаю, премьер-министр отказался выступить в защиту своего министра и на словах присоединился к числу оппонентов реализуемой им линии правительства³⁶. Эффект от подобного демарша был настолько силен, что Бриан тут же покинул зал заседаний парламента и объявил о намерении уйти в отставку.

Клемансо быстро исправил свою оплошность, публично извинившись перед коллегой (уникальный факт в биографии «Тигра»), однако неприятный осадок в их отношениях остался. Выросшее отсюда противостояние затянулось на 10 лет. В 1909 г. Клемансо, покидая пост председателя совета министров, назвал Бриана своим возможным преемником, однако в этом решении не было ничего субъективного: министр юстиции объективно являлся наиболее подходящей кандидатурой на освобождавшуюся должность. Все определяла политика и связанные с ней амбиции. Уже через несколько лет она развела их по разные стороны баррикад. В 1913 г. они столкнулись в ходе закулисной борьбы вокруг кандидатуры нового президента республики. Бриан отказался поддержать ставленника Клемансо и встал на сторону Р. Пуанкаре³⁷.

«Тигр» такого не прощал. Бывший подчиненный по кабинету министров превратился для него во врага. В годы Первой мировой войны Клемансо выступал как наиболее непримиримый критик политики правительства Бриана. Фактически оно вело войну на два фронта: на внешнем против Германии и на внутреннем против Клемансо. За этот период «Тигр», являвшийся главой сенатских комиссий по военным и иностранным делам, 18 раз заставлял премьер-министра давать отчет по различным аспектам политики правительства³⁸. В 1919 г., уже будучи премьер-министром, увенчанным лаврами «Отца победы», он отказался включить Бриана в состав французской делегации на Версальский конгресс. Видя себя новым президентом республики, Клемансо без обиняков заявлял: «Я на семь лет займу Елисейский дворец. В течение семи лет Бриан будет лишь обивать порог кабинета председателя совета министров»³⁹. По свидетельству Д. Ллойд Джорджа, тесно работавшего с обоими политиками после 1914 г., «Бриана он [Клемансо] презирал, считая его сладкоречивым декламатором напыщенных банальностей»⁴⁰.

Однако последнее слово осталось не за ним. «Тигр» в полной мере ощутил на себе то, что испытывали гегисты в ходе объединительных съездов социалистической партии — умение Бриана выстраивать закулисные комбинации. Искусный дипломат сумел объединить всех недругов Клемансо, которых у «Тигра» не было недостатка. В ходе голосования депутатов парламента по кандидатуре президента человек, уже считавший себя хозяином Елисейского дворца, потерпел поражение. Гордость не позволила ему продолжить борьбу, и он окончательно ушел из политики. Бриан одержал верх в этой схватке гигантов.

Впрочем, злопамятность никогда не являлась его характеристикой как политика. Скорее наоборот: он всегда стремился к сглаживанию старых разногласий и примирению соперников. На посту министра юстиции Бриан выступил с инициативой отмены смертной казни, стремился мирно улаживать внутренние конфликты, последовательно выступал за сотрудничество между политическими партиями. Его первый премьерский срок (1909—1911 гг.) был отмечен попыткой реализации полноценного

³⁶ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés, 30.I.1907.

³⁷ Oudin B. Op. cit., p. 234—236.

³⁸ Прицкер Д. П. Жорж Клемансо. Политическая биография. М., 1983, с. 199.

³⁹ Suarez G. Op. cit., t. 5, p. 66.

⁴⁰ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары, т. 5. М., 1938, с. 183.

политического проекта, который сам Бриан связал с идеей «умиротворения» страны. Речь шла о начале масштабного внутреннего диалога: урегулировании социальных вопросов через создание институтов взаимодействия власти, предпринимателей и рабочих, реформировании политической системы путем перехода к пропорциональной избирательной системе, формировании дееспособного и стабильного правительства.

Бриан, очевидно, чувствовал дух времени: эпоха политических боев за республику, порождавших ту энергетику, на которой зиждился режим, уходила в прошлое. Принятие закона об отделении церкви от государства стало ее последним аккордом. Подъем забастовочного движения в 1905–1907 гг. был первым признаком изменений. В 1910 г. бывшему адепту идеи всеобщей стачки, пересевшему в кресло премьер-министра, пришлось самому столкнуться с этой проблемой. Чтобы прекратить масштабную забастовку железнодорожников, ему пришлось принять беспрецедентную меру — перевести бастующих на военное положение. Бриан проявил политическую волю, но ценой этого стал окончательный разрыв не только с социалистами, которые отныне называли своего бывшего соратника не иначе как «диктатором»⁴¹, но и с теми, кто в 1905 г. вместе с ним покинул ряды СФИО. Мильеран и Вивiani, министры его правительства, проявившие определенные колебания, потеряли свои портфели. Политика продолжала рвать его связи с прошлым.

Однако речь шла, в конечном счете, о паллиативных мерах. Очевидно, что на первый план выходили социальные вопросы, проблемы обустройства жизни и труда миллионных масс людей, и все это — в преддверии намечавшегося мирового военного конфликта. Готова ли политическая система к столь серьезным испытаниям? Бриан в этом сомневался. Французский парламентаризм был далеко от вырождения, однако обнаруживал признаки будущего упадка. Партийная система являлась общенациональной, но партии как таковые за редким исключением не имели собственной инфраструктуры. Они представляли собой объединения депутатов, имевших собственные «карманные» избирательные округа. В этих условиях невозможно было обеспечить ни ротацию элит, ни целенаправленную работу с массами, ни противодействие крайним популистским движениям, ни формирование прочного парламентского большинства, ни оперативную реакцию на новые вызовы развитию страны⁴².

Все издержки подобной системы проявились уже после Первой мировой войны. Но в начале XX в. о них мало кто догадывался: на верху властной пирамиды находилось мало людей с достаточным для этого политическим кругозором. Спустя 30 лет Кайо признавал, что Бриан верно определил проблему: «Он, вероятно, считал, что демократические институты могут не справиться с атаками правых и крайне левых, если будут оставаться сценой для бесконечных правительственных кризисов, пагубных столкновений различных группировок и группок, досадных личных конфликтов... Я полностью разделял это мнение»⁴³. Однако в 1909 г. он, по собственному признанию, считал, что эта проблема является далеко не первостепенной. Жорес обвинял своего бывшего соратника в желании провести политическую унификацию страны и создать во Франции единственную политическую партию⁴⁴. Оба считали, что за всем этим кроются персональные амбиции. Бриан пытался облечь в конкретные формы свои идеи создания новой общенациональной политической силы, инициировав в 1914 г. образование Республиканской демократической партии. Впрочем, большого успеха на этом направлении он не добился, во многом, в силу причин субъективного свойства.

Бриану всегда не хватало тех качеств, которые ярко проявлялись в личности Жореса. Вокруг него так и не сложился круг близких соратников, во многом потому, что во главе угла для него всегда стояла политика, которой подчинялись даже личные

⁴¹ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés, 29.X.1910.

⁴² L'Invention de la démocratie. 1789–1914. Paris, 2002, p. 346–360.

⁴³ Caillaux J. Op. cit., p. 23.

⁴⁴ L'Humanité, 12.X.1909.

контакты. С другой стороны, его нельзя назвать и ярким харизматиком, таким как Клемансо, который привлекал людей своей неукротимой волей. Бриан был одиночкой как в политике, так и в личной жизни. Он так и не обзавелся семьей, хотя и пользовался популярностью у слабого пола. Деньги его также мало интересовали. Бриан любил уединяться вдали от кипения парижской жизни в своем загородном доме в живописной долине реки Эр. Он мог часами сидеть с удочкой на берегу — молчаливый диалог с самим собой привлекал его гораздо больше шумных компаний.

Политика постоянно вырывала его из атмосферы пасторальной идиллии. Разразившаяся летом 1914 г. Первая мировая война надолго лишила его отдыха. Бриан не испытывал иллюзий насчет возможности избежать вооруженного конфликта с Германией. В 1913 г. его правительство инициировало обсуждение впоследствии принятого закона о переходе к трехлетней военной службе. По итогам его обсуждения социалисты окончательно причислили своего бывшего соратника к лагерю реакционеров и милитаристов, однако те 160 000 солдат, которых удалось таким образом поставить под ружье, сыграли ключевую роль в наиболее тяжелые моменты августа — сентября 1914 г. В военном кабинете Вивиани Бриан занял пост заместителя председателя правительства с портфелем министра юстиции. В разгар битвы на Марне, когда встал вопрос о возможном оставлении Парижа, он был одним из главных оппонентов этой идеи, подчеркивая не столько военное, сколько политическое значение столицы.

Активность Бриана сделала его едва ли не ключевой фигурой правительства, и когда в октябре 1915 г. встал вопрос о кандидатуре нового премьер-министра, ему не нашлось альтернатив. За 16,5 месяцев своего пребывания во главе военного кабинета этот сугубо гражданский человек смог сделать многое. Ему удалось добиться окончательной реализации решения об открытии франко-британского фронта в районе греческих Салоник. Прибегнув ко всем возможным уловкам, на которые был способен юрист со стажем, Бриан буквально заставил англичан отказаться от планировавшейся эвакуации экспедиционного корпуса королевских войск. Разгневанный британский военный министр Г. Китченер воскликнул: «Если мы проиграем войну, то из-за этого адвоката с длинными волосами»⁴⁵. Между тем, французский премьер-министр имел серьезные основания настаивать на своем мнении. Провал операции на Балканах мог иметь разрушительные последствия для Антанты. «Господин Бриан, — писал о нем в мемуарах маршал Ж. Жоффр, — был умелым человеком и прозорливым политиком. Хотя он не любил сталкиваться с препятствиями лицом к лицу, он отлично видел те, которые возникали на его пути»⁴⁶.

Помимо угрозы ослабления позиций союзников на Балканах в случае оставления Салоник, к числу таких препятствий относилось отсутствие полного единства в их лагере. По инициативе Бриана в начале 1916 г. в Лондоне и Париже возникли постоянные дипломатические органы, координирующие действия союзников. Одновременно была решена другая проблема. 2 декабря 1915 г. во французских войсках ввели полное единоначалие. До сих пор Ж. Жоффр являлся лишь командующим войсками на германском фронте. Руководивший боями на Салоникском фронте генерал М. Саррай, к примеру, действовал независимо от него. Бриан положил конец этому разделению. Жоффр получил в свои руки верховное командование всеми французскими силами.

Традиционно французские республиканцы не доверяли военным — они хорошо помнили Вторую империю и дело Дрейфуса. Во время битвы на Марне, когда правительство вынужденно переехало из Парижа в Бордо, некоторые министры боялись того, что командующий парижским гарнизоном генерал Ж. Галлиени воспользуется отсутствием в столице гражданских властей и организует военный переворот. Тогда, в сентябре 1914 г. именно Бриану поручили наладить рабочий контакт с генералом. Он находил общий язык с военными. Современники писали о его

⁴⁵ Escholier R. Souvenirs parlés de Briand. Paris, 1932, p. 117.

⁴⁶ Joffre J. Mémoires du maréchal Joffre (1910–1917), t. 2. Paris, 1932, p. 152.

«спеси» и «гордом самодовольстве»⁴⁷. Однако эти проявлявшиеся время от времени особенности характера Бриана вряд ли можно сравнить с высокомерием Клемансо, которое в годы войны серьезно осложняло его контакты с военными. В нужные моменты Бриан проявлял последовательность и понятную генералам жесткость, как, например, в ходе битвы за Верден. Тогда он в резкой манере осадил тех, кто предлагал оставить город и укрепленный район немцам.

Бриан-политик вовлекал военных в свою игру и благодаря этому получал эффективный инструмент управления ими. В октябре 1915 г., формируя правительство, он лишил своего бывшего соратника Мильерана портфеля военного министра и передал его Галлиени. Речь шла об искусном политическом маневре: Жоффру, популярному тогда в армии и в народе, требовался противовес, в роли которого как нельзя лучше смотрелся другой военачальник, овеянный славой победы при Марне. Кроме того, Галлиени и Жоффр находились в сложных личных отношениях, что давало премьер-министру большие возможности для маневра в качестве арбитра.

Генералы были особыми фигурами на шахматной доске политика, которыми можно было пожертвовать в случае необходимости. В декабре 1916 г., когда общественное недовольство затяжными военными действиями достигло максимума, а парламент резко критиковал правительство за промахи, допущенные при организации обороны Вердена, Бриан спас кабинет ценой отставки Жоффра, однако сделал это в характерном стиле — присвоив бывшему главнокомандующему высшее воинское звание маршала. Жоффр стал первым маршалом Франции, получившим свой жезл от республиканского правительства. До сих пор сам этот чин казался воплощением милитаризма, пережитком бонапартистской эпохи. Бриан порвал с подобным представлением, продемонстрировав, тем самым, большую политическую волю. Его деятельность в годы войны часто критиковали. Пуанкаре сетовал на то, что он часто не желал брать на себя ответственность, «не говорил ни да, ни нет, и оставлял вопрос без решения»⁴⁸. Д. Ллойд Джордж, много сотрудничавший с Брианом, писал: «Для министра военного времени он слишком спокойно и легко смотрел на вещи»⁴⁹. Тем не менее, именно Бриану удалось то, что оказалось не по силам поколениям французских политиков, — добиться полного контроля гражданской власти над военными, открыв тем самым новую страницу во взаимоотношениях республики и армии.

«ДОЛОЙ ПУШКИ!»

Вклад Бриана в дело победы Франции над Германией трудно переоценить, однако его вряд ли можно назвать человеком войны. Тот факт, что этот образ неразрывно сросся с фигурой Клемансо, вполне объясним. Атмосфера схватки была стихией «Тигра», его харизма питалась энергетикой противостояния. В солдатском окопе он чувствовал себя так же уверенно, как на парламентской трибуне. Именно такой государственный деятель оказался необходим Франции в критический момент войны. Бриан же всегда оставался, скорее, мастером политического маневра. Он эффектно выступал в стенах парламента, легко очаровывал собеседника во время светской беседы, умел работать с прессой, однако терялся при необходимости общаться с солдатской массой. Скромно одетый, от рождения немного сгорбленный, он, очевидно, не мог сравниться с Клемансо, одно появление которого на самых опасных участках фронта поднимало боевой дух войск.

Бриан всегда оставался человеком мира, прирожденным дипломатом, привыкшим добиваться своего с помощью компромисса, а не посредством оружия. В этом смысле десятилетие после окончания Первой мировой войны, нестабильное с точки зрения международных отношений, стало его звездным часом. Вероятно, если

⁴⁷ *Caillaux J.* Op. cit., p. 8.

⁴⁸ *Poincaré R.* Au service de la France: neuf années de souvenirs, t. 8. Paris, 1931, p. 167.

⁴⁹ *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч., т. 1–2. М., 1934, с. 611.

бы Бриан ушел из политики после своей отставки с поста председателя правительства в марте 1917 г., его бы в любом случае запомнили как способного политика, но всего лишь одного из тех многих, которых произвела на свет французская Третья республика. Однако деятельность на внешнеполитическом поприще дала ему всемирную известность.

Посвящая последние годы своей жизни реформированию Версальской системы международных отношений, Бриан обладал важным преимуществом перед теми политиками, которые на момент окончания войны стояли во главе Франции, — формально он не имел отношения к ее учреждению в том виде, в каком она возникла в 1919 г. Он действовал с уверенностью человека, понимающего, что ему приходится исправлять не свои, а чужие ошибки. Клемансо, Фош, Пуанкаре до конца своих дней упрекали друг друга в том, что мир в итоге состоялся не таким, каким бы его хотели видеть победители. Бриан же еще при своем назначении премьер-министром в 1915 г. заявлял: «В этой войне Франция будет сторонницей мира. Здесь заключается ее честь и здесь же — залог ее славы в будущем. С мечом в руке она борется за цивилизацию и независимость народов. Она опустит свой меч тогда, когда получит полные гарантии стабильного, прочного мира. Во имя этого мира любая мысль о тираническом господстве отныне уступает место идее цивилизации, которая создается через освобождение народов и дарование им независимости»⁵⁰.

Уже тогда Бриан видел контуры новой внешней политики. Он говорил о «системе, которая бы делала невозможными акты международной агрессии и обеспечила бы признание прав каждой нации»⁵¹. Однако после победоносного завершения войны ему не довелось воплотить эти идеи в жизнь. В 1919 г. Клемансо отказался включить своего старого оппонента в состав французской делегации на Версальскую конференцию, ограничившись простым приглашением на церемонию подписания договора 28 июня 1919 г. Бриан его не принял, будучи при этом не столько несогласным с сутью подписываемого соглашения, сколько лично задетым. Историки, очевидно, не ошибаются, когда говорят о том, что линия Бриана, находясь он в составе французской делегации, не могла принципиально отличаться от линии, взятой Клемансо — слишком сильны были объективные обстоятельства. Однако трудно не принять и другое их мнение: тонкий переговорщик, он, безусловно, постарался бы избежать всех тех прискорбных моментов, которые превратили версальскую церемонию в спектакль национального унижения Германии⁵². Во всяком случае, в кулуарах переговорного процесса знали о том, что Бриан «ругает правительство и взятый им на конференции курс»⁵³.

Международные дела давно привлекали Бриана. Пуанкаре, в 1912 г. совмещавший пост председателя правительства с портфелем министра иностранных дел, вспоминал, как Бриан, работавший тогда министром юстиции, в свободное от службы время приходил к нему на Кэ д'Орсэ послушать последние депеши и обменяться идеями по актуальным международным вопросам⁵⁴. Внешняя политика была особой сферой, в которой все то, что привлекало Бриана в политике вообще, чувствовалось еще сильнее. Маневр здесь становился гораздо более сложным: большее количество действующих лиц, глубокая разнородность их интересов, а также различная политическая логика требовали от политика особого искусства. Подойдя к 60-летнему рубежу, Бриан оставил за плечами фракционные баталии на социалистических съездах, шумные парламентские дискуссии, закулисную борьбу на внутреннем фронте. Все это выглядело как подготовительный этап к политической борьбе высшего уровня.

Бриан вернулся к власти в январе 1921 г., взяв себе кроме поста премьер-министра портфель главы МИД. Международные дела сразу оказались в фокусе его внимания:

⁵⁰ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés, 4.XI.1915.

⁵¹ Unger G. Op. cit., p. 308.

⁵² Ibid., p. 399.

⁵³ Poincaré R. A la recherche de la paix, 1919. Paris, 1974, p. 119.

⁵⁴ Poincaré R. Au service de la France: neuf années de souvenirs, t. 2, p. 68.

Версальский договор зафиксировал факт поражения Германии, определил меру ее политической, экономической и моральной ответственности, однако механизмы реализации его положений прописаны не были. Требовалось решить целый ряд проблем: определить размер репараций, причитающихся с Рейха, подписать договоры с его бывшими союзниками в мировой войне, окончательно урегулировать вопрос новых границ Германии. Принципиальное значение имело выстраивание взаимодействия с Великобританией, которая после 1918 г. вновь начала самостоятельную игру. И едва ли не самое главное: вся эта проблематика являлась, своего рода, надстройкой над французской политической жизнью, которая имела свою собственную динамику и серьезно влияла на принятие внешнеполитических решений. По итогам парламентских выборов 1919 г. к власти во Франции пришли партии так называемого Национального блока – политические силы правой ориентации, выступавшие за максимально жесткое отстаивание интересов страны на международной арене⁵⁵.

Задача Бриана, таким образом, значительно усложнялась. Ему предстояло распутать клубок сложнейших противоречий, причем сделать это в условиях критически настроенной по отношению к нему внутренней политической среды. Это, безусловно, ограничивало его маневр и задавало единственно возможный на тот момент вектор движения в направлении наиболее полной реализации Версальских соглашений. Остро стояла тема репараций. Обсуждая ее с Ллойд Джорджем, Бриан не мог уступить слишком много: даже согласованное с Лондоном сокращение французской доли с предполагавшихся 112 млрд марок до 77 млрд привело в феврале 1921 г. к буре недовольства в Бурбонском дворце. Ему приходилось постоянно балансировать. Уступки в вопросе репараций он компенсировал согласием британцев на оккупацию части Рурской области Германии. Недовольство оппонентов внутри страны приглушили, пойдя на неожиданную меру – возобновление дипломатических контактов с Ватиканом, прерванных после принятия бриановского проекта закона об отделении церкви от государства. В отношении советской России по-прежнему проводилась политика изоляции.

Политика Бриана в те годы напоминала попытку усесть на двух стульях, которая не могла окончиться успешно. Задача, предполагавшая одновременное маневрирование на внутреннем и внешнем фронтах оказалась исключительно сложной. Логика международного процесса требовала дальнейшего сближения с Лондоном и постепенного пересмотра Версальской системы, которая оставалась имманентно нестабильной без участия в ней двух ключевых стран Европы – Германии и России. Отсюда вырастала необходимость ослабления режима репараций и нормализации отношений с большевиками. Режим, установившийся в России, не вызывал у Бриана, как и у большинства представителей французской правящей элиты, никаких симпатий. В январе 1921 г. он заявил, что Франция признает лишь ту власть в Москве, которая «будет на самом деле представлять российский народ и проявит готовность взять на себя обязательства предыдущих правительств»⁵⁶. Однако Бриан в отличие от многих других понимал издержки подобного курса. В конце 1921 г. с трибуны Сената он заявил: «Для Франции важно, чтобы эта огромная страна с населением в 170 млн человек не попала в сферу сначала экономического, а через короткое время и политического господства другой страны»⁵⁷. В этой фразе угадывался возможный намек на Германию. Бриан и его британские коллеги соглашались в том, что сближение двух изгоев Версальской системы подрывало сами ее основы. Поэтому когда в январе 1922 г. со стороны британской делегации на межсоюзнической встрече в Каннах последовало предложение пригласить большевиков к участию в работе планируемой конференции

⁵⁵ Рубинский Ю. И. Тревожные годы Франции: борьба классов и партий от Версаля до Мюнхена (1919–1939 гг.). М., 1973, с. 60.

⁵⁶ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés, 21.I.1921.

⁵⁷ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Sénat, 30.XII.1921.

по экономическому развитию Европы, со стороны французского премьер-министра не последовало принципиальных возражений.

Однако решение Бриана произвело в Париже эффект разорвавшейся бомбы. Перспектива диалога с большевиками, которые на предвыборных плакатах Национального блока изображались не иначе как в виде бородатого мужика с ножом в зубах, а также возможность объявления временного моратория на выплату Германией репараций мобилизовали всех политических противников Бриана. Их возглавил никто иной, как Мильеран, после войны окончательно сместившийся вправо и в 1920 г. занявший Елисейский дворец. В Сенате атаку поддержал Пуанкаре. Фронда обнаружилась даже среди министров. Информация просочилась и в прессу. Окруженному со всех сторон Бриану пришлось уйти в отставку. Любая политическая ситуация имеет свои ограничения. Та, которая сложилась во Франции в 1919–1924 г., не предполагала возможности смены внешнего курса. Каким бы талантливым стратегом ни являлся Бриан, он не мог противостоять этой реальности.

Удар оказался сильным. Речь шла о крупном политическом поражении. На протяжении следующих двух лет Бриана редко видели в Париже. Он предпочитал проводить время в своем загородном доме на берегах водоема с удочкой в руках. Его расчеты не оправдались, однако он умел ждать. «Он обладал даром наблюдателя, подобным тому, которым наделен рыбак, охотник или карибский пират», — отмечала французская журналистка Л. Вайс, лично знавшая Бриана⁵⁸. События развивались быстро: сменивший Бриана на посту премьер-министра Пуанкаре, получивший у социалистов прозвище Пуанкаре-война, попытался решительными мерами заставить Германию соблюдать букву Версальского договора и выплачивать репарации в полном объеме. Не найдя поддержки в Лондоне, в январе 1923 г. Франция полностью оккупировала Рурскую область Германии. Французское общественное мнение поначалу ликовало, однако страна быстро ощутила на себе все издержки подобной политики. Денег от Берлина получить не удалось. Германия оказалась на грани социально-политического катаклизма, чего не желал никто из ее соседей. Экономика Франции болезненно отреагировала на очередное международное обострение с участием французской армии. Курс франка резко снизился, в стране начались забастовки. Отношения с британскими и американскими кредиторами оказались испорчены.

Франции пришлось согласиться с участием комиссии международных экспертов под руководством американского генерала Дауэса в урегулировании проблемы репараций: уступки, на которые в 1922 г. предлагал пойти Бриан, пришлось делать под давлением обстоятельств в гораздо более сложных условиях. Наконец, сбылось то, что предвиделось: на Генуэзской конференции весной 1922 г. началось сближение Германии и Советской России. «Так завершилась попытка заставить Германию выполнять все ее обязательства по Версальскому договору», — констатировал историк международных отношений П. Ренувен⁵⁹. Избиратели дали свою оценку результатам правления Национального блока. В мае 1924 г. на очередных парламентских выборах верх одержал так называемый Картель левых — коалиция социалистов и партии радикалов. Активным сторонником нового большинства стал Бриан.

Со времен выборов 1902 г. он не выступал столь активно на стороне конкретной политической силы. Причины этого выходили за рамки простого расчета с целью вернуться во власть. Изменения во внутриполитической жизни давали ему возможность доиграть партию, оставленную в 1922 г. Партии Картеля левых добились ухода с поста президента Мильерана — одного из главных противников нового видения внешней политики Франции. Пришедшее к власти в 1924 г. правительство радикала Э. Эррио исповедовало близкие Бриану взгляды на международные отношения, базировавшиеся на триаде «арбитраж — безопасность — разоружение». Оно не успело полностью воплотить их в жизнь, однако в значительной степени подготовило условия для ре-

⁵⁸ Weiss L. *Mémoires d'une Européenne*, t. 2. Paris, 1979, p. 218.

⁵⁹ Renouvin P. *Op. cit.*, p. 255.

шающего поворота. В апреле 1925 г. Бриан, не раздумывая, принял предложение радикала П. Пенлеве о вхождении в правительство с портфелем министра иностранных дел. В его политической биографии открывалась очередная, последняя, но наиболее яркая глава.

Тот факт, что Версальская система в своем первоначальном виде не справляется с урегулированием международной ситуации, уже мало кто ставил под сомнение. Более того, с очевидностью складывались условия для ее реформирования. Послевоенное общественное напряжение, экономический кризис остались в прошлом. Бывшие противники в Первой мировой войне вошли в новую эпоху, где им предстояло сосуществовать и с неизбежностью сотрудничать. Франция, выйдя из состояния победной эйфории, вынуждена была признать свою фундаментальную слабость. Секретарь МИД и один из ближайших сотрудников Бриана Ф. Бертело писал по этому поводу в 1923 г.: «Нельзя забывать о том, что, хотя мы сегодня и ощущаем себя наиболее сильными и будем оставаться таковыми еще десятилетие, мощь 70 млн организованных и трудолюбивых людей, в конце концов, перевесит силу 38 млн французов в возрасте от 20 до 50 лет»⁶⁰.

Бриан выражал ту же мысль еще более определенно. «Моя политика, — говорил он, — это наша рождаемость»⁶¹. Демографический тренд во Франции уверенно шел вниз с конца XIX в., и в межвоенный период достиг дна. Еще одного столкновения с Германией страна могла не выдержать. Все говорило в пользу поиска нового формата отношений с Берлином, который бы свел к минимуму вероятность новой войны. Очевидно, что для этого Германию предстояло интегрировать в Версальскую систему, созданную без нее и против нее. Подобная задача выглядела трудноразрешимой. Важным препятствием здесь являлось сохранявшееся взаимное недоверие. Первая после 1918 г. масштабная встреча между французами и немцами как равноправными сторонами состоялась в октябре 1925 г. в швейцарском Локарно.

С самого начала переговоров стало ясно, что груз обид велик: германский канцлер Г. Лютер открыл свое выступление перечислением претензий в адрес Франции, сопровождая их требованиями. Обсуждать перспективы сотрудничества в такой атмосфере было сложно, и Бриан, возглавлявший французскую делегацию, в очередной раз спас положение удачной импровизацией. Он подошел к Лютеру, положил ему руку на плечо и шутливо сказал: «Не продолжайте, иначе мы все заплачем». После секундной паузы все присутствовавшие рассмеялись⁶². Лед был растоплен, переговоры могли продолжаться в конструктивном ключе. Бриан был прирожденным дипломатом. Как отмечал Кайо, «собеседник мог лишь догадываться о том, что на уме у Бриана. Он скользил в руках того, кто считал, что поймал его»⁶³. Коллеги по парламенту образно, но точно называли его «монстром изворотливости»⁶⁴. Однако в Локарно он встретил достойного оппонента.

Министр иностранных дел Веймарской республики Г. Штресеман противопоставил гибкости Бриана «прусскую настойчивость и решительность»⁶⁵. Глава французской делегации хотел вполне конкретных вещей: повторного признания Германией тех статей Версальского соглашения, которые фиксировали контуры ее западных границ, подтверждения готовности выплачивать репарации и, в качестве закрепления всего этого, вступления Рейха в Лигу наций. В качестве гарантов соглашения выступали Великобритания и Италия. Штресеман был готов говорить об этом, однако озвученный список его требований «едва не заставил Бриана упасть с дивана»⁶⁶. Германская

⁶⁰ Barré J.-L. Philippe Berthelot: L'éminence grise. Paris, 1998, p. 382.

⁶¹ Unger G. Op. cit., p. 501.

⁶² Oudin B. Op. cit., p. 460.

⁶³ Caillaux J. Op. cit., p. 12.

⁶⁴ Benoist C. Vers la représentation proportionnelle. — Revue des deux mondes, 1911, t. 2, p. 69.

⁶⁵ Пампушев А. И. Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель. М., 2009, с. 206.

⁶⁶ Stresemann G. Les papiers de Stresemann, t. 2. Paris, 1932, p. 140.

сторона соглашалась зафиксировать западную границу Рейха, однако отказывалась сделать то же самое с восточной. Кроме того, она требовала отмены пункта об исключительной ответственности Берлина за развязывание мировой войны, ускорения эвакуации французскими войсками Рейнской области и возвращения всех колоний, отторгнутых в 1919 г.

Бриану пришлось пустить в ход все свое мастерство. Ему удалось наладить с Штресеманом личный контакт, который впоследствии перерос во взаимную симпатию. «Вы — немец, я — француз. Но, оставаясь французом, я могу быть хорошим европейцем. Вы также можете быть немцем и хорошим европейцем. Два хороших европейца должны договориться», — сказал он своему визави в ходе общения с глазу на глаз⁶⁷. Переговоры в Локарно завершились подписанием Рейнского гарантийного пакта, который фиксировал неизменность западной границы Германии при гарантиях Великобритании и Италии. Логическим оформлением компромисса стало вступление Германии в Лигу наций 8 сентября 1926 г. На торжественном заседании Бриан произнес одну из наиболее ярких своих речей: «Для Германии и Франции мир означает окончание чреды тяжелых и кровавых столкновений, которыми наполнены все страницы истории, конец траура и страданий, которые никогда не забудутся. Скажем нет войне, откажемся от силового кровопролитного пути преодоления наших разногласий. Конечно, они никуда не исчезли, но теперь есть судья, который вынесет справедливое решение... Долой ружья, пулеметы, пушки! Дорогу примирению, арбитражу, миру!»⁶⁸.

Сближение Франции и Германии во многом являлось результатом успешного сотрудничества Бриана и Штресемана. Они часто вели переговоры тет-а-тет, без участия помощников и переводчиков. Характерный эпизод произошел 17 сентября 1926 г. В тот день, чтобы избавиться от общества вездесущих журналистов, французский и германский министры пошли на импровизацию. На автомобилях они оторвались от преследовавших их газетчиков, на берегу Женевского озера сели в катер и скоро оказались уже на территории Франции в небольшой деревушке Туари. Здесь в отеле прошло закрытое обсуждение франко-германских отношений после Локарно. Франция все еще переживала экономические трудности, курс франка испытывал на себе серьезное давление. В обмен на экономическую помощь Германии Париж соглашался в кратчайшие сроки полностью вывести войска с территории Германии и согласиться на возвращение Рейху Саарской области без плебисцита. Кроме того, стороны вышли на обсуждение тех вопросов, о которых до сих пор не заходила речь. «В Туари, — вспоминал Штресеман, — говорили о далеко идущих планах: о восстановлении России, о тесном франко-германском сотрудничестве в деле установления мира в Европе. Для меня Туари было лишь увертюрой к большой европейской политике»⁶⁹.

Успешная реализация достигнутых договоренностей могла открыть новую страницу в истории Европы. Германия через 6 лет после тяжелого для нее Версальского договора заявила о своей готовности вернуться в ряды мирового сообщества на правах полноправного члена. Однако обстоятельства сложились иначе. Общественное мнение и в Германии, и во Франции оказалось не готово к столь резкому повороту в двусторонних отношениях. Бриана на родине подвергли острой критике за чрезмерные, как казалось, уступки немцам. Трудность, с которой он столкнулся, была связана и с внутривнутриполитическими раскладами. Через два года после победы Картеля левых на выборах у власти оказалось правопоцентристское правительство «национального единства», которое возглавил Пуанкаре. Старый противник политики примирения с Германией во многом пересмотрел свои прежние взгляды и сохранил за Брианом портфель министра иностранных дел, однако хозяин особняка на Кэ д'Орсэ не мог

⁶⁷ Unger G. Op. cit., p. 495.

⁶⁸ Le Temps, 11.IX.1926.

⁶⁹ Stresemann G. Les papiers de Stresemann, t. 3. Paris, 1933, p. 38.

не считаться с наличием в правительстве различных точек зрения на пути решения германского вопроса.

В результате, соглашения, достигнутые в Туари, пришлось фактически дезавуировать. Бриан решил не идти на риск, который в 1922 г. стоил ему поста премьер-министра. Штресеман тяжело переживал неудачу. Некоторой компенсацией стало присуждение в конце 1926 г. Бриану и Штресеману Нобелевской премии мира за заключение Локарнских договоров. Глава французского МИД гордился своим успехом. Примирение с Берлином было ему важно не только само по себе. Во Франции в конце 1920-х годов многие сходились на том, что страна может не выдержать еще одного большого вооруженного конфликта с Германией. Однако Бриан абстрагировал это неприятие, подводя под него мировоззренческую основу. Прирожденный дипломат и переговорщик, он внутренне отвергал грубое насилие. Покончить с войной навсегда — реализация этой задачи казалась столь же невероятной, сколь и желаемой.

Л. Д. Троцкий подчеркивал важное качество Бриана: «Его беззаботная находчивость подсказывала ему в нужных случаях если не творческие идеи, то широкие и эластичные формулы»⁷⁰. Именно такую яркую формулу он предложил в качестве лозунга своей антивоенной борьбы — «поставить войну вне закона». Выбор страны-партнера для его реализации также был не случаен. Соединенные Штаты Америки являлись едва ли не единственной великой державой, с которой Франция никогда не воевала. Вашингтон традиционно сдержанно относился к воинственной политике европейских государств. Французский министр иностранных дел в личном качестве и США как участник мирных переговоров 1919 г. обладали известной свободой рук: Бриан не входил в состав французской делегации в Версале, а американский Конгресс отказался ратифицировать Версальский договор. Поэтому совместное выступление двух стран с антивоенной инициативой выглядело знаково.

27 августа 1928 г. в здании французского МИД представители 14 стран мира, в том числе Франции, США, Великобритании, Италии и Германии, подписали документ, объявляющий войну вне закона. Он вошел в историю под именем его инициаторов — Бриана и государственного секретаря США Ф. Келлога. Министр иностранных дел Франции переживал свой звездный час. По итогам подписания было запланировано лишь одно публичное выступление. С заключительной речью выступал Бриан. Французское радио транслировало его слова на весь мир: «Некогда рассматриваемая как часть божественного права и закрепившаяся в международной практике как атрибут суверенной прерогативы, война, наконец, юридически лишена того, что представляло наибольшую опасность — своей легитимности... Таким образом, под непосредственным ударом оказывается само понятие войны в его исходном смысле. Речь теперь идет не о том, чтобы найти защиту от этой чумы, а о борьбе со злом в его зародыше»⁷¹.

Мир находился в некоторой эйфории: к концу 1928 г. к пакту Бриана — Келлога присоединились почти все существовавшие на тот момент государства. Бриан и Штресеман продолжали вести свои страны курсом на примирение. В ходе конференции в Гааге, состоявшейся в августе 1929 г., был принят новый план взимания репараций с Германии («план Янга»). Сумма платежей сокращалась, снимался контроль союзников над германской экономикой. Великобритания, Бельгия и Франция обязались в кратчайшие сроки эвакуировать свои войска из Рейнской области. Последний пункт был особо важен для Штресемана⁷² и наиболее проблематичен для Бриана: французское общественное мнение боялось потерять важный рычаг давления на Берлин. Именно вопрос эвакуации Рейнской области становился камнем преткновения и в Локарно, и в Туари.

⁷⁰ Троцкий Л. Д. Э. Эррио, политик золотой середины.

⁷¹ Le Temps, 28.VIII.1928.

⁷² См. письмо Штресемана Бриану от 16 августа 1929 г. — *Stresemann G. Schriften*. Berlin, 1976, S. 389–391.

В Гааге его обсуждение в очередной раз испытало на прочность доверительные отношения между французским и германским министрами. Штреземан сетовал на «лукавую тактику господина Бриана» и призывал своего коллегу на деле показать приверженность миру, согласившись на вывод французских войск. После долгих дискуссий согласие было получено: Париж обязался очистить Рейнскую область в кратчайшие сроки. Штреземан не дожидаясь до того дня окончательного освобождения германской земли от оккупации. Чрезмерное нервное напряжение переговоров, эмоциональные перегрузки, вызванные постоянными нападениями со стороны немецких националистов, подкосили его здоровье. Последняя встреча между ним и Брианом состоялась на сессии Лиги наций в Женеве в сентябре 1929 г. за несколько недель до смерти германского министра.

С высокой трибуны Бриан говорил о перспективе создания Федерации европейских государств, которая раз и навсегда покончит с соперничеством, разрывающим континент. Его германский визави не скрывал своего скепсиса по поводу этой идеи: «Если Бриан хочет навязать извне некую форму европейского единства вместо того, чтобы взрастить ее на почве реальности, он потерпит неудачу»⁷³. Штреземан был прав, как и большинство тех, кто тогда присутствовал в зале заседаний. Бриан всегда страдал политической дальновзоркостью. Склонный к забвению практической стороны дела ради стратегического взгляда на ситуацию, он часто казался современникам небрежным и легкомысленным. Однако не это определяло специфику его личности.

Бриан не был ни аккуратным администратором, ни пламенным трибуном, ни вождем с железной волей. Он являл собой особый типаж политика, который интуитивно чувствовал реальность, поднимаясь над рутинной, групповыми интересами, идеологическим противостоянием и сиюминутными метаниями общественного мнения. Клемансо и Пуанкаре, несмотря на их неоспоримые таланты и способности, не увидели специфики эпохи, наступившей после 1918 г. Жорес и Блюм в большей или меньшей степени смотрели на мир через призму идеологии, которая неизбежно искажала реальность. Бриан же на закате дней сумел заглянуть далеко за горизонт – увидеть и угрозу глобального мирового конфликта, и пути построения нового мира без войн. Все, что он мог сделать, это донести свои опасения и чаяния до современников. На этом его миссия была завершена.

Незадолго до смерти этот ветеран властного Олимпа утратил всякий интерес к политике. Бриан занимал пост министра иностранных дел Франции дольше любого из своих предшественников за исключением Талейрана. Однако в конце 1931 г. он легко отказался от портфеля и уединился в своем загородном доме, коротая дни за чтением детективных романов. В феврале 1932 г. состояние его здоровья резко ухудшилось. 7 марта 1932 г., не дожив ровно три недели до своего 70-летнего юбилея, Аристид Бриан скончался в Париже. Правительство организовало ему государственные похороны. Траурный митинг прошел перед зданием МИД Франции на Кэ д'Орсэ. С главной речью выступал председатель правительства А. Тардье. Произнесенные им слова являются, вероятно, одной из наиболее точных характеристик Бриана как политика: «Обвиненный в диктатуре, когда он в 1909 г. обеспечивал общественный порядок; в империализме, когда он предлагал палатам к утверждению закон о трехлетней военной службе; в капитуляции, когда он пытался установить мир между Германией и Францией нормальные отношения, которых требует мирное развитие, Аристид Бриан, при всех имевшихся к нему претензиях, без сомнения олицетворял ту мудрость, которую люди критикуют тогда, когда она есть, и о которой сожалеют тогда, когда она исчезает»⁷⁴.

⁷³ *Oudin B. Op. cit., p. 525.*

⁷⁴ *Le Temps, 13.III.1932.*